

Женщина

Культура. — 1996. — 20 апр. — с. 8.

В песках

Татьяна ПРОСКУРНИКОВА

“Дивные, чудные, счастливые, прекрасные дни” — число эпитетов для того, чтобы перевести на русский название знаменитой пьесы Сэмюэля Беккета “О, дивные дни” в постановке П. Брука (Театр Види-Лозанн, Европейское театральное пространство), можно множить. (Так как я впервые написала о ней более четверти века назад, то позволю себе продолжать пользоваться тем же названием, которое представляется мне наиболее точным “О, прекрасные дни”).

Прекрасный, жаркий, солнечный день, песчаный или земляной холм — то ли в пустыне, то ли в прибрежных дюнах — составляют тот неизменный фон, ту “среду обитания”, в которой героине пьесы Винни предстоит провести свои, может быть, последние дни и мгновения. Все ее движения, все окружающие ее предметы точно определены драматургом и практически не дают ни актрисе, ни постановщику ни малейшего простора для фантазии. Питер Брук не раз говорил в своих интервью, что при постановке произведений Беккета не требуется какого-либо режиссерского вмешательства. Надо сказать, что в этой особенности драматургии великого ирландца отдавали себе отчет все когда-либо ставившие его деятели театра.

Но даже при общем пристрастии Беккета к четко зафиксированным деталям пьеса “О, прекрасные дни” сковывает тех, кто переводит ее на язык театра, в значительно большей степени, чем остальные его творения. Может быть, это связано с тем, что в почти исключительно мужском мире его персонажей Винни — истинная женщина. И автор, как внимательный и галантный рыцарь, оставляет ей множество предметов, на первый взгляд незначительных, но так необходимых женщине, если ей небезразлично, как она выглядит. Тем более в той ситуации, в коей, по воле автора, оказалась Винни: к моменту ее встречи со зрителями она погружена в песок по талию; во второй части спектакля — по шею. Беккет придумал ситуацию столь неординарную, и в то же время столь символическую, что теперь, если вам доведется увидеть в книге по истории театра, в театральной энциклопедии или в журнале фотографию, на которой изображена женщина в такой позе, то вы можете смело сказать, не читая подписи под картинкой: “Это сцена из спектакля “О, прекрасные (счастливые, чудные, дивные) дни”. Вариации возможны лишь в том, какая сумка будет стоять перед Винни, какая шляпка будет у нее на голове или какое зеркало она будет держать в руке, или какой зонтик над головой раскроет. И конечно же, на этих фотографиях предстанет галерея различных жен-

ских лиц, хотя и тут драматург дал четкое указание — “женщина лет пятидесяти со следами былой красоты”.

Мне кажется, что эта галерея актрис представляет собой одно из самых притягательных чудес театрального искусства. Эта галерея женщин, с отчаянной смелостью обречших себя на предельное сужение выразительных возможностей, в какой-то мере бросивших вызов всем привычным представлениям о “выигрышной роли”. Вот уже почти год, как среди портретов этих отважных актрис появилось и лицо Наташи Парри. Милое, чуть грустное, с удивительно яркими глазами, трогательное своей незащищенностью — лицо ее Раневской в “Вишневом саде” Брука, который мы видели семь лет назад. Неудивительно, что для своего спектакля Брук и Парри выбрали французскую версию, ее, по общему признанию, более мягкий и женственный, чем английский текст: он ближе актерской индивидуальности Наташи Парри.

Винни — Парри живет в предлагаемых обстоятельствах так, словно у нее впереди еще много-много дней и ночей, которые не отличимы друг от друга в ослепительно белом пространстве и которые перетекают друг в друга по звонку будильника (во второй части спектакля он будет звонить часто и беспорядочно, окончательно лишая нас возможности определить, какие временные отрезки он фиксирует). В том, с какой тщательностью Винни готовится к наступлению ночи, можно узнать больше о “девочке из хорошей семьи”, чем в многословно порой рассказываемой со сцены биографии. “Биографию” своей героини Наташа Парри вслед за автором складывает из мельчайших кусочков мозаики, в которой жест и интонация могут сказать больше, чем произнесенное слово.

В первой части спектакля актриса несколько монотонна в найденных и, может быть, слишком закрепленных интонационных перепадах от утрированной беззаботности, граничащей с глупостью, до мимолетной грусти. Слово зрителью предлагает самому решить, чем вызван ее иногда слишком подчеркнутый оптимизм: неразумием или мужеством высочайшей пробы. Зато во второй части представ-

ления сомнений нет: лишенное кокетливого макияжа, мертвенно-бледное лицо актрисы, на котором, как две негаснущие звездочки, вспыхивают глаза, это не похоже на маску, живое и трепетное лицо человека на краю бездны. Потеряв все (как прелестно звучит сожаление об утраченных руках и грудях), Винни больше всего боится лишиться речи. Женщина, явно всегда любившая поговорить, она теперь страшится потерять эту возможность. Замечательный, чуть-чуть глуховатый, с хрипотцой голос Наташи Парри передает множество нюансов ее внутреннего состояния. Она способна не только отчаиваться, думать уже не столько о прошлом, сколько о безрадостном будущем, не зная, есть ли оно у нее вообще, но и гневаться на Вилли, своего мужа, который долго и упорно не подавал никаких признаков жизни.

В первой части спектакля зрителям дано было дважды созерцать этого существующего номинально, но бездействующего спутника всей жизни Винни (Франсуа Бёрте), которого она явно продолжает любить. Точно в соответствии с указаниями Беккета Брук предъявит нам его со спины: голый торс, голая, без единого волоса голова, которую он по настоянию Винни прикрывает от солнца соломенным канотье. Затем ответом на обращения к нему Винни будут лишь нечленораздельные звуки. Лишь в финале он выползет из своего укрытия в черном фраке и цилиндре, в ослепительно белых манишке и шарфе и в отчаянном усилии взобраться поближе к Винни на холм упадет лицом в песок, вытянув вверх правую руку. Нам не дано будет узнать, что означает этот жест: желание ли ободрить и приласкать любимую женщину руководит Вилли, или рука его потянулась к пистолету, давно лежащему рядом с зонтиком на песке. Вопреки ставшей расхожей фразе о непременно стреляющем ружье, появившийся еще в первом акте пистолет не выстрелит. Целым и невредимым окажется загоревшийся в какое-то мгновение зонт. Поднимет, казалось, закрывшиеся навсегда веки Винни, и мы снова увидим лучистые глаза Наташи Парри. Финальную реплику она произнесет грустно и спокойно: “О, прекрасный день! Какой это был снова прекрасный день. Еще один. Не смотря ни на что”.

Питер Брук впервые поставил пьесу Беккета, автора, о котором он немало размышлял и писал. Оставаясь верным Беккету, он создал спектакль о том, что человек может породить каждым отпущенным ему мгновением, что жизнь требует от него каждодневного мужества. Без пафоса и громких фраз художники трагического XX века помогают человеку обрести внутреннюю стойкость в жестоком и абсурдном мире.

Отнюдь не склонные к утешительству Беккет и Брук, переводя жизнь на язык театра, оставляют человеку надежду.

Винни — Наташа Парри.